

Александр Хвостов

Я стала снова мамой

Александр Владимирович Хвостов

Я стала снова мамой! Из записок одинокой женщины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=56510770

SelfPub; 2024

Аннотация

Одинокая мать потеряла единственную дочь и едет на море, чтобы прийти в себя. В полёте она знакомится с девушкой, общаясь с которой, узнаёт, что та сирота, выросшая в детдоме. За время совместного путешествия героини привязываются друг к другу: одна ищет материнской любви, другая желает её дать.

Содержание

От автора.	4
Часть первая.	8
2	16
3	21
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Александр Хвостов

Я стала снова мамой! Из записок одинокой женщины

От автора.

Дорогие мои читатели! Когда вы будете читать эту повесть, то не спешите, пожалуйста, сразу же обрушить на мою голову потоки критики, что автор не понимает, о чём пишет, что детдомовское детство одной из героинь сильно приукрашено, что не бывает в жизни так, чтобы обе героини на курорт летели чужими людьми, а обратно близкими, да и вообще, что повесть аморальная по всем статьям и так далее. Попробуйте для начала понять мою мысль, вложенную в данное сочинение. А она в том, что человеку одному просто не справиться с сложной ситуацией, возникшей в его жизни, что ему нужна поддержка, любовь, тепло со стороны его близких, друзей, знакомых и других окружающих его людей. Да и вообще нормальному человеку жить одному трудно. Цель, которую я себе поставил, работая над повестью, как раз в обратном – показать всё лучшее и нравственное, что

может быть у человека и чего так не достаёт в наше жестокое время. Если для кого-то из вас повесть покажется сказкой – ради бога, пусть будет так! Но это всё же добрая сказка.

Теперь по порядку. Насчёт детдомовского детства Татьяны Чайкиной: во-первых, я вполне понимаю, о чём пишу, так как имею материалы о таких детях, причём эти материалы в самых разных формах и жанрах – от видео и аудио до печатных, от документальных до художественных, и я это читал, слушал, смотрел – а, следственно, немного разбираюсь в описываемой теме и отвечаю за свои слова; во-вторых, давайте оттолкнёмся от того, что это художественное произведение – и в нём допускается доля вымысла, авторский взгляд на то или иное явление или на какой-либо предмет. В конце концов, как писал Достоевский, «на то я и романист, чтобы выдумывать». А потом память человека избирательна; и, если Татьяна с теплом вспоминает о воспитательнице, значит, та была и впрямь доброй женщиной. А как иначе! И, по совести, я склонен верить тому, что говорит Татьяна. Да и вообще детдомовская тема у меня в повести не главная, хотя и не последняя. Почему повесть называется «Я стала снова мамой!»? Я для себя нашёл такое объяснение: это рассказ от лица матери, которая не может жить в пустоте, возникшей после смерти дочери; ей физически нужно кого-то любить, ласкать, заботиться о нём. И, может, потому бог и послал ей Машу, с которой Татьяна познакомится в самолёте и будет с ней вместе отдыхать, которую в итоге полюбит и которая

полюбит также саму Татьяну. Что у них общего? Они обе детдомовки, обе одиноки и обе нуждаются в любви и тепле. Возможно, это их и сблизило. Наконец, Татьяне всё равно – будет ли Маша звать её мамой или нет; для неё важно, чтобы они относились друг к другу, как мать и дочь.

Что касается аморальности моей повести, то ничего аморального там нет и в помине! Там всё выдержано в пределах нормы и приличия. И не следует делать ошалевшие глаза, читая, скажем, про то, что героини на пляже загорают топлес, и кричать: «Какое безобразие»! Начнём хотя бы с того, что они это делают не прилюдно, в строго определённое время и ведут себя весьма пристойно. Да и насчёт других похожих моментов тоже есть разумное объяснение. Наконец, аморальность человека заключается не в том, что он, скажем, может загорать раздетым, а в том, что лжёт, клеветает на других, не чтит своего прошлого, забывая о нём, убивает и предаёт. И на фоне этого то, что делают мои героини, просто вздор и смех!

В заключении хотел бы прокомментировать подзаголовок «Из записок одинокой женщины». Почему «из записок», а не «записки»? Отчасти так было решено, исходя из собственного маленького опыта ведения путевых заметок. Да, иной раз бывали дни, когда происходило что-то действительно яркое и интересное, что нельзя было не описать: поездка в Тамань, прогулка по дворцовой площади в Питере, посещение там же Исаакиевского собора или в Геленджике встреча с

дельфинами в открытом море... А бывают дни довольно серые, обыденные, о которых писать неинтересно. И я, создавая повесть, хотел выбрать наиболее интересные события из курортной жизни моих героинь. А насколько у меня это получилось – решать вам!

Декабрь 2016г.

Часть первая.

1

Здравствуйте все те, кто когда-нибудь заинтересуется этой повестью и захочет прочитать её. Меня зовут Татьяна Чайкина. Я хочу рассказать вам историю, которая случилась со мной в отпуске прошлым летом. Вероятно, кто-то спросит, мол, «зачем ей это надо?» Признаться, я и сама себя об этом спросила, когда задумала написать эту повесть. Что это – жажда пиара? Желание похвастаться, что сделала доброе дело, о котором вы прочтёте ниже, и славы за него? А, может, желание подать пример другим, как надо поступать в этой жизни? Нет. Цель, с которой взялась за данную книгу, – поделиться с вами счастьем, которое бог мне послал в довольно непростое время моей жизни, и от всей души пожелать счастья всем людям на этой земле!

В позапрошлом лето я уезжала на море. Надо сказать, что поездка поначалу была довольно безрадостной, поскольку я хотела поехать туда с Анечкой, моей любимой дочкой. И я, и Аня с нового года мечтали, как проведём целых три недели вместе, как будем плавать в море, валяться под южным

солнцем, гулять по городу, если повезёт – ходить в цирк, в кино, ездить на экскурсии... Но этим планам не суждено было сбыться: в середине января, прямо на мои именины, Аня, идя домой с уроков, погибла под машиной пьяного лихача. Ей было всего 16-ть лет. С тех пор 25 января для меня уже не день моего ангела-хранителя, а день памяти моего ангела, моей Анечки. Что же касается того лихача, то его судьба была решена ещё на стадии следствия: он умер в СИЗО. Отчего это случилось, я не знаю. Бог наказал – вот мой ответ. И уголовное дело было прекращено ввиду смерти подсудимого. Одному богу известно, как я дожила до лета; каких сил мне стоило приходить домой, где царила гробовая тишина, где меня никто не ждёт, не обнимает и не целует. И поэтому я решила поехать на море, чтобы не сойти с ума в этой пустоте. Но едва ли я представляла, какой подарок тогда мне сделает судьба.

Чтобы полёт был не столь скучным, я тихонько занималась вязанием.

– Ловко это у вас получается, – заметила мне девушка с противоположного кресла. Я посмотрела на неё: это была невысокая брюнетка с короткой стрижкой. Лицо её мне показалось милым и улыбчивым, что не могло меня не расположить к тому, чтобы слегка улыбнуться тоже и завязать разговор в итоге. Наконец, если смотреть на её лицо глазами портретиста, то можно сразу обратить внимание на её большие, красивые, чем-то похожие на кошачьи, тёмные глаза.

Они мне понравились больше всего. Что же до остальных частей лица – то нос был средней величины, губы тоже были средними, лоб уходил чуть назад, да и само лицо девушки было такой правильной формы, словно его долго и тщательно вытёсывали. Знаете, я ещё тогда обратила внимание, что девушка летит одна. Почему я так подумала? Да хотя бы потому, что мужчина, сидевший возле иллюминатора, выходя в туалет, говорил ей: «Разрешите пройти!». Близкий человек так не скажет, логично? А помимо того мужчины рядом с девушкой никого не было. Не знаю, почему, наверно, по материнской привычке, я тогда же подумала: «как же её родители одну отпустили?». Итак, вернёмся к разговору! На замечание девушки о том, что у меня ловко получается вязать, я ответила, что это годы тренировок.

– И долго вы тренировались? – спросила девушка.

– С восьмого класса, – ответил я.

– Серьёзно, – заметила девушка.

– Пожалуй, – согласилась я.

– А меня Маша зовут, – добавила она через недолгое время.

– Татьяна Ивановна, – представилась я (отчество я, конечно, придумала). – Можно тётя Таня. А вы, Маша, тоже отдохнуть едете?

– Да, я отдохнуть, – сказала Маша. – А почему бы не съездить, если в отпуске!

– А кем вы работаете? – спросила я.

– Библиотекарем, – сказала Маша.

– Библиотекарем? – удивилась я, потому что молодёжь в библиотеку и так не затащить, а что говорить о том, что она там работала? Это удел для людей примерно моих лет или постарше.

– Да, я работаю библиотекарем, – сказала Маша. – А что вас удивило в этом?

Я объяснила, что нечасто вижу перед собой молодых библиотечек.

– Понимаю, – слегка обиженно сказала Маша. – Вы, наверно, думаете, что я книги в глаза не видела, зато из Инета не вылезаю сутками. Однако скажу вам, что я очень люблю читать книги. Слава богу, в моей жизни была замечательный педагог по литературе – Рунова, Лариса Александровна (дони, боже, ей моё доброе слово!), которая привила мне любовь к чтению и к хорошим книгам.

– Простите меня, Маша, если я вас чем-то обидела, – сказала я. Маша с улыбкой кивнула мне. В самом деле, я повела себя весьма бестактно. Нельзя всех ровнять под одну гребёнку! Есть же среди молодых и толковые люди, которые на своих местах делают хорошее дело для себя, для семьи и для родины.

– А что вы больше всего любите читать? – спросила я Машу.

– Больше всего люблю стихи и малую прозу, – сказала Маша и тут же извлекла из своей сумочки книжку в мягком

переплётё. – Вот, если интересно, Алёна Берёзкина. Пишет стихи и небольшие, но душевные рассказы.

– Я посмотрю? – спросила я Машу.

– Да, пожалуйста! – ответила она, подав мне книгу.

Тем временем стюардессы стали раздавать пассажирам завтрак. Устроившись так, чтобы можно было с комфортом и поесть, и почитать, я начала вместе с хорошо сваренной и по-домашнему вкусной гречневой кашей поглощать стихи и рассказы Алёны Берёзкиной. И, правда, что стихи, что рассказы были очень нежными и душевными. Особенно мне запомнилось стихотворение под названием «Где ты, мама?». Вот оно:

И зимой, и теплым летом
Я с тобою встречи жду.
Мама, миленькая, где ты?
Ты скажи – и я приду!
Как случилось, что на свете
Мы с тобой поврозь живём?
Я прошу тебя, ответь мне,
Кто же виноват во всём?
Если б знала ты, родная,
Драгоценная моя,
Как я горячо желаю
Встретить, наконец, тебя;
Как хочу тебя обнять я,
От души поцеловать...

Вот одно лишь только знать бы:

Сколько встречи нашей ждать?

Читая эти строки, я невольно вспомнила своё детдомовское детство. Какое оно было? Разным. Но одного, слава богу, не было точно – это голода, как во время войны. А так бывало всё: и любили меня, и обидеть могли, и всё, что хотите. Так что, какова иной раз бывает жестока жизнь, я узнала тогда ещё. Кого бы я с особой любовью и благодарностью вспомнила из той жизни? Пожалуй, нашу воспитательницу, Анну Владимировну Галкину (кстати, я свою дочку Аней в честь неё назвала!). Почему её? Знаете, хоть она и была строга и требовательна к нам, чтобы у нас был порядок и уроки приготовлены, но в то же время, мне кажется, она любила нас всех по-настоящему, неформально. Бывало так, что меня какая-нибудь гадость могла так допечь, что я не знала, как быть... и тогда я шла к Анне Владимировне поговорить, попросить совета. И она всегда выслушает со вниманием, и совет даст, если нужно... собственно, именно Анна Владимировна научила меня не злиться на жизнь, как бы она тебя ни лупила. Может, я потому и психологом стала, что передо мной всегда был пример Анны Владимировны. Или, как я её в дневнике называла, мама Аня. Помню, уже выйдя из детдома и поступив в институт, я всё равно могла иной раз прийти к Анне Владимировне за советом или просто проведать её, поговорить о жизни нашей сложной. Она всегда радовалась нашим встречам, как может радоваться только мать; она ис-

кренно болела за мои удачи в институте и помогла мне устроиться на работу посудомойкой в столовой родного детдома. Надо сказать, что Анна Владимировна жила одна – семьи у неё не сложилось... Вот она меня и опекала по-матерински, если считала нужным, и я ей за это до сих пор благодарна. Но через несколько лет Анна Владимировна слегла с инфарктом. Врачи её в первый раз спасли, и я несчастную после выхаживала... Однако, спустя три месяца, случился ещё один инфаркт – и Анны Владимировны не стало. Сказать, что я после её смерти билась с горя лбом об пол, пожалуй, нельзя; да, было больно и горько, так как умер дорогой мне человек, который любил меня и который был любим мной, который плакал и смеялся со мной, помогал и заботился обо мне... Но, памятуя о том, каким добрым, весёлым и жизнелюбивым был этот человек назло всем трудностям и огорчениям, я сама решила жить вопреки этим боли и горечи, не злобясь, не дуюсь и не раскисая. Это самая лучшая память о любимой воспитательнице!.. А, спустя полгода после смерти Анны Владимировны, в коммуналку на Спортивной улице, где я ранее жила, пришёл ответственный товарищ.

– Добрый день! Мне нужна Татьяна Чайкина, – сказал он.

– Это я, – отвечаю, слегка растерявшись, словно меня забирать пришли. Но всё оказалось проще и веселее: тот человек был нотариус и, войдя ко мне в комнату, он сказал, что Галкина А.В. завещала мне свою трёхкомнатную по улице Ленина, в доме 6/б (где я и живу). Тут я обалдела ещё боль-

ше, так как такого сюрприза я едва ли могла ожидать. Однако нечего было делать – надо было оформляться и переезжать. А через пару лет после этого у меня родится моя Аня.

2

Наконец самолёт приземлился! Подождав, пока пассажиры выйдут, мы с Машей вышли следом.

– Господи! Свобода!!! – радостно выдала моя спутница. Я невольно улыбнулась.

– Понимаю вас, Маша, – сказала я. – Признаться, я и сама устала и чуть-чуть ошалела. Давайте разомнёмся!

– С удовольствием! – поддержала Маша.

– Ах, да! – спохватилась я. – Ваша книга. Большое вам спасибо – мне очень понравилось.

– Я рада, – с улыбкой ответила Маша, кладя книжку в сумку.

Пристроив ненадолго в камеру хранения наши чемоданы, мы с Машей пошли ходить по аэровокзалу, посмотреть, где и что интересного продают... Признаться, там много чего было: и книги, и тряпки, и всё, что хотите. Что касается тряпок, то мне здесь ничего не глянулось, даже при том, что я их просто смотрела без цели купить; всё было или сильно кричащим для меня, или наоборот, угнетающим и мрачным. А я люблю, чтобы между яркими и тёмными цветами была гармония. Да и качество шва мне тоже не понравилось. А среди книг я отыскала новый детективный роман любимой своей Марины Маниловой под названием «Цветы от мистера Икса» и не удержалась, купила. Если говорить о физионо-

мическом портрете писательницы, то она всегда почему-то напоминает мне сову: круглолицая, с короткой стрижкой, в больших очках, от которых, пожалуй, и глаза делаются слегка больше... Но главное – сколько обаяния в её улыбке! Так что если она «сова», то вполне добродушная. Я уж не говорю о том, что в её книгах есть место не только смерти, но и любви, и юмору, и самоиронии героев. Да и наконец, читать книги Маниловой просто интересно.

– Маша, – обратилась я к своей спутнице, показывая ей книгу Маниловой, – я вам рекомендую купить книжку этой писательницы – она вообще очень интересно пишет!

– Спасибо за совет, – сказала мне Маша и купила тоже этот роман. Гуляя дальше, мы дошли до кафе.

– Хотите чая, тётя Таня? – спросила она меня.

– Пожалуй, можно! – сказала я, чувствуя, что мне очень хочется пить.

Сидя за столиком и осторожно потягивая горячий чай, я предложила Маше поселиться вместе в одном номере.

– А почему так, тётя Таня? – спросила она.

– Я просто побаиваюсь ночевать одна в незнакомом месте, – сказала я и заметила, что Маша задумалась. – Вам моё предложение чем-то неудобно?

– Есть немного, – сказала мне Маша.

– Хорошо! – сказала я. – Давайте это обговорим, дабы между нами не было каких-либо недопониманий и нам было бы друг с дружкой комфортно! Что вас смущает?

– Начнём с того, что мы с вами мало знакомы, – сказала Маша.

– Вы боитесь, что я или обижу вас, или сделаю что-то плохое? – спросила я и Маша ответила кивком. – Будьте спокойны, Маша! Ни обиды, ни вреда с моей стороны вам опасаться не следует. Что ещё?

– Господи-боже мой! Впечатление, будто хочу вам признаться, что украла ваш кошелёк, – сказала Маша, на что я её успокоила, что мой кошелёк у меня. – Я просто иногда, когда очень жарко, причём и днём, и ночью, позволяю себе или ходить в купальнике, или спать раздетой, то есть, без рубашки и пижамы, просто в трусиках, – собравшись с силами, выдала Маша. Причём она подозвала меня пальцем, чтобы сказать это мне на ухо, будто раскрывала государственную тайну. – А иначе я буду мокрая с головы до ног. И, боюсь, если вы увидите меня в таком виде, то вам это может не понравиться и вы найдёте меня бесстыжей, а то и вовсе сумасшедшей...

– Господь с вами, Маша! – воскликнула я. – Я абсолютно нормальный человек и постараюсь всё понять, как надо. Ещё вопросы?

– Встаю рано, – сказала Маша.

– И я «жаворонок»! – сказала я. – Так что, если хотите, мы можем вместе ходить по утрам на пляж купаться или гулять. Воля ваша, Маша, как решите – так и будет!

Если бы она отказалась, я бы это пережила, хотя и, правда,

боюсь ночевать одна в незнакомом месте.

— А вы меня вязать научите? — спросила Маша после недолгого раздумья.

— Конечно! — ответила я.

— Тогда я согласна! — сказала Маша с улыбкой. — Да и вдвоём всё же веселей! А если прицепятся, почему мы вдвоём в номер селимся?

— Милая моя! — отвечаю я. — Кому какое дело до этого? И вы, и я привезли им деньги — а, следовательно, имеем право селиться так, как нам удобно! Ну, если докопаются, скажем, что мы тётя и племянница.

— Идёт! — сказала Маша.

Допив чай и расплатившись, мы пошли за вещами, а после, найдя таксиста, поехали в гостиницу. Забегая чуть вперёд, хочу позволить себе несколько слов по поводу того, что я услышала от Маши в кафе, дабы попытаться пресечь разные толки и не дать в обиду девушку: не спешите, пожалуйста, подумать, что она каждый день, не зная стыда, ходила голой, и осудить её! Поверьте мне, ничего этого не было. Да, Маша иногда действительно могла спать раздетой, если было сильно жарко; но зато, когда жара немного спадала, Маша спала, одетой в пижаму. Так что я бы попросила читателей быть к моей юной спутнице немного снисходительнее. Сказать по совести, я и сама, когда было жарко, что не вмоготу, спала в одних трусиках. И вообще Маша вела себя очень хорошо, что редкое явление среди молодёжи. Так, например,

идёшь к подъезду, таща на себе портфель с ноутбуком, а в руках пакеты с покупками, выходит из подъезда какой-нибудь соседский отпрыск... И нет, чтобы придержать дверь, пока ты войдёшь, вышел и пошёл себе, куда ему надо. А ты, как хочешь, так и ковырайся у двери со своим добром! Маша же и поможет, если надо, и просто в общении со мной была уважительна и вежлива (при этом я старалась сделать так, чтобы наше общение было естественным, свободным, дружеским... Словом, чтобы в нём не было ничего холопского со стороны Маши; чтобы наша разница в возрасте не отпугивала её от меня, не придавливала, а напротив, располагала её к желанию беседовать со мной, а меня к желанию слушать, обсуждать или по-дружески делиться своим опытом, если требовалось). Интересно, кто её родители?

Вот мы и в гостинице! Скажу сразу, чтобы после не возвращаться к этому: зарегистрировали нас без каких-либо проблем! Даже не пришлось сочинять, что мы тётя с племянницей. Номер хороший, чистый, светлый. В комнате есть всё, что надо: две кровати, тумбочки для мелких вещей, письменный стол со стульями и даже телевизор, который лично мне вообще до колокольни. В коридоре стоит шифоньер, куда мы с Машей развесили и разложили наши вещи. Наконец, ванная и туалет совмещены, там было вполне просторно и удобно.

– Тётя Таня, можно, я быстренько искупаюсь? – спросила Маша. – Я просто устала и хочу прилечь.

– Да, конечно! – сказала я. – А вы обедать не пойдёте?

– Нет, – сказала Маша. – Во-первых, я в самолёте наелась, плюс ещё чаю попила, а, во-вторых, в такую жару что-то в рот тащить...

Я, соглашаясь, покачала головой. В самом деле, с обедом я погорячилась. Взяв всё, что нужно, Маша пошла мыться. Я же тем временем открыла балкон, задёрнула шторы, чтобы и не так сильно жарило и можно было хотя бы слегка раздеться. После чего я повесила на ручку двери табличку с надписью «Не беспокоить!» и стала приготовляться к душе, доставая из своих вещей полотенце, длинную зелёную майку, слу-

жившую мне ночнушкой, сменное бельё и любимый свой голубой халат с большими красными розами. Я взяла его, потому что он тканевый, в нём легко и не жарко.

– Ну, слава богу, теперь жить можно! – сказала Маша, выйдя из ванной в белой пижаме с розовыми бабочками, состоящей из шортиков и рубашки с короткими рукавами. – А то ходила, как варёная селёдка.

Я невольно усмехнулась этому сравнению, поскольку никогда не видела варёной селёдки. Но чего в нашем языке ни появится, если очень жарко!

– Тётя Таня, вы двери заперли? – спросила Маша.

– Нет, но я повесила на ручку табличку, чтобы не беспокоили, – ответила я.

– Я бы заперла на всякий случай, – сказала Маша. – Вы идите, купайтесь, а я всё сделаю.

– Хорошо! – сказала я и, взяв всё своё, пошла в душ.

И, правда, после душа полегчало! Когда я вышла, то Маша уже спала, а, может быть, начинала засыпать, лёжа с закрытыми глазами и накрытая ослепительно белым пододеяльником. Решив не тревожить человека, я пошла проверить дверь – она была запертой, после чего я вернулась в комнату. Подойдя к своей кровати, я расстелила постель и, сбросив халат, тоже легла в кровать. Я даже не заметила, как быстро уснула. Возможно, я тогда сильно устала.

Надо бы сказать, что такой сон-час мы устраивали каждый день в течение всего времени нашего отдыха: во-первых,

после обеда никуда не выйдешь, так как на улице была просто баня, а, во-вторых, дневной сон, говорят, спасает мозг от инсульта. Да и потом, коли мы вставали рано, организм какой-то доли сна лишался, и нужно было её восполнить.

Неумолимая жара была ещё несколько дней – и потому мы с Машей ходили по комнате в купальниках или в шортах и в топиках. Не могу не вспомнить с нежной улыбкой о том, как Маша в первый раз всё-таки спросила у меня разрешения походить в купальнике (стеснялась слегка!), на что я ей ещё раз спокойно сказала, что она может ходить в любой удобной одежде, не боясь ни причинения мне дискомфорта, ни моего недовольства по этому поводу. Надо сказать, я тоже очень старалась вести себя максимально деликатно и не рассматривать девчонку в упор, чтобы и ей не было неудобно; но всё же краем глаза я заметила, что тело у Маши довольно красивое, а главное, всё в нём было создано гармонично: при её невысоком росте, она имела хорошенькую, точёную фигурку, такие же ручки и ножки, аккуратно закруглённые плечи и небольшую грудь. Статуэточка – ни дать ни взять! Глядя на неё, я очень жалела, что с роду не умела рисовать.

Купаться мы ходили рано утром. Ещё 6-ти утра не было, когда мы уходили на пляж: во-первых, солнце не так жари-

ло, а, во-вторых, в это время на пляже, как правило, не было ни души, и можно было себе позволить загореть почти полностью, не боясь, что на тебя будут таращиться. Помню, в первый раз мы пришли на пляж, расстелили полотенце, разделись... И тут я спросила Машу, можно ли мне снять верхнюю часть своего купальника (тоже не хотелось быть бесстыжей!)? И Маша дала положительный ответ. Да, я люблю красивый, ровный загар и ничего плохого в этом не вижу. К слову сказать, Маша, по её признанию, и сама позволяет иногда себе это лёгкое безобразие. Так что мы с ней, приходя на пляж в удобное нам время, спокойно могли загорать так, как нам было угодно. Ну, а если кто-то внезапно появлялся, мы могли скоренько или прикрыться, или перевернуться на живот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.